

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Mitchelini G. Linguistica stratificazionale e morfologia del verbo: con applicazione alle lingue baltiche. Brescia: Editrice La Scuola, 1988. vi + 314 p.

Рецензируемая книга является приложением принципов стратификационной грамматики к исследованию балтийского глагола. Первые две главы содержат полезное общее изложение теории, но наиболее близки они могут быть русско- или англоязычным читателям. Интересная же для балтистов часть начинается с третьей главы, так как здесь обсуждается вопрос о категориях вида и времени в балтийских языках. В литовском, по мнению автора (с. 153), категория вида включает класс детерминированных и недетерминированных глаголов.

Эти классы, каждый с особым набором семантических функций, мотивированы системой литовского языка. По большей части лексемы, которые характеризуются отсутствием префиксальных номем, относятся к классу недетерминированного вида, а лексемы детерминированного аспекта всегда содержат префиксальные номемы. По мнению автора, лексемы типа *rasti* «найти» являются явными исключениями, и можно утверждать, что в этих лексемах класс недетерминированного аспекта в соответствии с теоретическими принципами, изложенными в первой главе, актуализует свою вторичную функцию, которая присутствует как первичная в другом, более маркированном классе лексем; иными словами, эти лексемы контекстуализуются и в сфере языка выбирают комплекс вторичных функций. Далее, при определении класса префиксальная номема должна быть хотя бы частично сопутствующей. Следовательно, она выполняет функцию аспектуального индикатора, изменяющего аспектуальную семантику корневой номемы, с которой она соединяется. Если это правило не соблюдается, то лексема, содержащая префиксальную номему (например, *atrodyti* «казаться», *pataikauti* «угрожать»), может только соединиться с недетерминированным классом, а префиксальная номема перестает выражать аспектуальность. Таким образом, можно объяснить, как лексема, включающая пре-

фиксальную номему, способна принадлежать к обоим классам (в этих случаях, очевидно, можно предполагать наличие двух лексических значений). Следовательно, соединение этих условий нельзя рассматривать только на основании морфологии, так как классификация лексем, содержащих префиксальную номему, должна отталкиваться от понятия лексемы как идиоматизированного единства и использовать лексическую информацию с точки зрения этого единства. В этом смысле литовский аспект может рассматриваться как грамматико-лексическая категория; однако с точки зрения семантики его статус аналогичен аспекту, времени и наклонению в том по крайней мере, что их значение носит отсутствующий характер, но выражается вовсе не сопутствующими фундаментальными морфологическими категориями.

С точки зрения морфологии один из основных классов (детерминированных глаголов) включает в себя по крайней мере две различные номемы: корневую и префиксальную. Авторская классификация аспектов более подробна, чем то, что я изложил: она включает в себя также информацию о литовском итеративном классе.

В общем во всех балтийских языках имеются глубоко укоренившиеся способы выражения аспекта, времени и наклонения. Для лингвиста-историка особенно интересна последняя глава (V), в которой рассматриваются аспект, время и наклонение в общепалтийском.

По мнению автора имеется три возможных понимания аспекта (с. 262):

- 1) В славянском сохранилась общепалто-славянская картина, тогда как в балтийском она в корне изменилась.
- 2) В балтийском сохранилась общепалто-славянская картина, тогда как в балтийском (? — Я думаю, что автор имел в виду «в славянском». — Ш. У.) она в корне изменилась.
- 3) Балтийский и славянский развивались независимо друг от друга из индо-

европейского (с определенными конвергенциями благодаря географической общности).

Из этих трех гипотез первая наименее убедительна, так как нельзя ожидать, что балтийский мог утратить ассектуальный характер суффиксов и не утратить его в префиксах. В то время как наиболее убедительной кажется третья гипотеза, вторую нельзя с ходу отбрасывать, так как балтийский был более консервативным диалектом предполагаемого балто-славянского единства.

Вторичный класс итеративов (известный только в литовском) включает в себя глагольные лексемы (с префиксами или без), сочетающиеся с суф. *-dav-* (в диалектах *-lav-*), который может быть расчленен на *-d(-l)- + -av-* (с. 263—264). Формант *-d-* фигурирует и в других литовских глагольных суффиксах, например, в каузативном *-dy(-ti)*, где он служит не только для устранения зияния между корневой и суффиксальной гласными (ср. *ardyti* «разрушать»), но также в суф. интенсификов *-dẽ(-ti)*. Поскольку этот формант *-d-* с полным основанием может считаться в этих суффиксах показателем процессуальности, сходная интерпретация вероятна для того же суффикса в морфеме *-dav-*. Подобный же анализ форманта *-l-* в суффиксах типа *-lin(-ti)*, *ly(-ti)*, *li(i)o(-ti)* позволяет установить сходное значение процессуальности у диалектного суф. *-lav-*. Элемент *-av-* восходит к **-o-*, и его можно соединить с глагольным суф. *-(i)uo-*, с помощью которого от первичных глагольных лексем образуются вторичные со значением повторяющегося или длительного действия. Если предположить, что вторичные лексемы с таким суффиксом могут актуализоваться в сочетании с показателями претеритального класса в функции (+ обыкновенный (usual), + неопределенный или итеративный), то можно утверждать, что в литовском (в период незадолго до фиксации) суф. **-d-* (*-av-* в сочетании с суф. **-ā-* претерита) был способен приобретать в сочетании с *-d(-l)-* новую роль «контекстуализатора», который ограничивал в лексеме выбор глагольных видов следующим образом: (+ общность, + неопределенность и итеративность).

Автор обсуждает гипотезу, согласно которой (балто-славянские?) корни с мономемой **-ē-*, производной от и.е. **-ē-* (типа литов. *sėdėti* — ст.-слав. *сѣдѣти*), переосмыслили эту моному **-ē-* с изначально атематической флексией (и суф. *θ*) как претеритальный суффикс и распространили его на претерит от других корней, не имевших изначально расширения **-ē-* (с. 272). В действительности исконная монома **-ē-* фигурирует только в инфинитиве и формах, образованных именно

от этого корня. Если признать, что общебалт. **-ē-* восходит к и.е. **-ē-*, то единственно возможный путь ее развития выглядит так: поскольку время обобщения корней на **-ē-* не установлено и эта монома имеет значение, сопоставимое с реконструированными показателями перфекта в греческом и древнеиндийском, она должна быть разделена на две мономемы **-ē-*, одна из которых имела стативное значение, а другая — процессуальное, определяемое с точки зрения аспекта как (— неопределенное, + итеративное). Эта последняя монома могла произвести претеритальную моному. Слабая сторона такой гипотезы в том, что расщепление такого типа должно было произойти в сфере одной системы.

Микелини пишет (с. 273), что удовлетворительная альтернативная гипотеза такова: монома **-ē-* в протобалтийском претерите происходит не из и.е. **-ē-*, а из **-i-* + **-ā-*, причем суф. **-i-* проник в претерит из презентной основы. Это предположение убедительно, оно восходит к Куршату [1, с. 280], который полагал, что литовский претерит на *-ē* есть преобразование претерита на *-ō* (< балт. **-ā-*) под влиянием мягкого консонанта. Согласно Острофу [2, с. 60, 63], литовский претерит **ēda* «я ел» = и.е. **ēda* (= греч. *-ἔφα* в *ἔφαγε*, *ἔδωκε* = гот. *fr-ēt*, др.-сев. *āt*, др.-в.-нем. *āz*, др.-инд. *āda*) + *-i*. Наличие *-i-* в основе претерита (*ēdīau*) может быть приписано влиянию презентных основ на *-i-*.

Следует отметить, однако, что имеются такие глаголы, как литов. *nėsti* «нести», *vėžti* «везти», *vėsti* «вести», *dėgti* «жечь», *kėpti* «печь» с тематической гласной *-a* (и.е. **-e/o*). В этих глаголах не обнаруживается следов этимологического **-i-* в презенсе, но они регулярно образуют претерит на **-ē-*. Нужно вспомнить, что эти глаголы соответствуют славянским глаголам класса IА Лескина, у которых не имеется **-i-* в презенсе, но образуется тематический аорист, ср. ст.-слав. *нести* — 3 л. ед. ч., аор. *несе*, *везти* — *везе*, *везти* — *везде*, *жести* — *жъже*, *пешти* — *пече*. Я могу утверждать, что претерит на **-ē-* в балтийском сформировался под влиянием тематического аориста. Можно следующим образом представить, к примеру, спряжение протобалтийского тематического аориста: (1 л. ед. ч.) **neš-am* (< и.е. **nek-om*), (2 л. ед. ч.) **neš-es* (< и.е. **nek-es*), (3 л. ед. ч.) **neš-et* (< **nek-et*) и т. д. При выравнивании тематической гласной типичный балтийский глагол приобретает следующий вид: (1 л. ед. ч.) **neš-em*, (2 л. ед. ч.) **neš-es*, (3 л. ед. ч.) **neš-ēt* и т. д. В то же время наличествовала парадигма (1 л. ед. ч.) **pirk-ām* «я продал», (2 л. ед. ч.) **pirk-ās*, (3 л. ед. ч.) **pirk-āt*, но сокращение таутосылла

бического долгого дифтонга $*-ā̃m > *-am$ должно было привести к образованию новой парадигмы: (1 л. ед. ч.) *pirk-am*, (2 л. ед. ч.) *pirk-ās*, (3 л. ед. ч.) *pirk-āt*. Пропорция $-am, -ās, -āt$ привела к $-em, -ēs, -ēt$, откуда (1 л. ед. ч.) $neš-em$, (2 л. ед. ч.) $neš-ēs$, (3 л. ед. ч.) $neš-ēt$ и т. д. Альтернативное, но сходное предположение связано с замещением древних вторичных окончаний на (1 л. ед. ч.) $-u$, (2 л. ед. ч.) $-i$, (3 л. ед. ч.) $-θ$, т. е. $neš-eu, neš-ei, neš-e$ и т. д., в оппозиции к *pirk-au, pirk-ai, pirk-ā*. Пропорция $-au, ai, -ā$ привела к $-eu, -ei, -ē$, т. е. к $neš-eu, neš-ei, neš-ē$ и т. д. Это и отражается в современном литовском *nešiau, nešei, nešė*. Часто предполагается, что претеритальное 1 ед. ч. $-u$ происходит из презенса, этимологически — первый элемент дифтонга $*-uo$ (из и.-е. $*-ō$); но это предположение отрицается альтернативной гипотезой, согласно которой развитие $*-ō$ в $-uo$ есть специ-

фически литовское явление (развившееся независимо в латышском, ср. [3]). С другой стороны, претеритальное $-u$ может быть одним из древнейших индоевропейских окончаний, ср. тох. В 1 л. ед. ч. *lak-au* от корня *lāk-* «видеть», см. [4—7].

Здесь может быть влияние этимологических j -корней, как я уже отмечал (см. [8]), которое, по-видимому, привело к более последовательному использованию претерита на $*-e$ в этих глаголах, но определенное влияние тематического аориста можно видеть в отступлении от фонетического закона, в соответствии с которым $*-tjā$ в литовском репрезентируется скорее как $*čio$, чем как $*tē$.

Автор предполагает следующие формы для балтийских глагольных основ, принадлежащих к классу литов. *myli-/mylėti* «любить»

	Презентная основа	Общая основа
(а) литовский	$x\mathcal{C}-i-$	$x\mathcal{C}-ē-$
(и латышский)		
(б) древнепрусский	$x\mathcal{C}-e-$	$x\mathcal{C}-i-$

Приводя только один пример, а именно *paskolle* (Encheiridion 115, 16), он пишет, что в немногих примерах $-ei-$ не встречается, а только $-e-$. Но эта форма на самом деле выглядит как *paskollē*, с ясной долготой, как это показано у Траутмана [9, с. 406 (71, 27)] и у Мажюлиса [10, с. 227, 16; 11, с. 220, 16]. Здесь нет возможности дискутировать о роли долготы в прусской орфографии, но остается неясным, рассматривает ли ее автор как незначущую. Иными словами, необходимо понять, является ли это опечаткой или ошибкой. Вдобавок автор не разъясняет специально, какие древнепрусские глаголы он приписывает этому классу, поэтому трудно определить их положение: только $-e$ встречается в глаголах этого класса. К примеру, я могу отнести др.-прус. глагол *turēt* «иметь, долженствовать» к тому же классу, что и родственные литов. *tūrėti* «иметь» и лтш. *turēt* «держатъ». Свидетельства 3 л. ед. ч. *turēi* «sol» таковы: [19, с. 43, 2 = 10, с. 175, 16; 9, с. 55, 10 = 10, с. 199, 1; 9, с. 59, 27 = 10, с. 207, 2; 9, с. 65, 23 = 10, с. 217, 5; 9, с. 65, 30 = 10, с. 217, 17; 9, с. 20, 32, 34 = 10, с. 219, 12; с. 221, 3, 4 и т. д.]. Форма *turri* (3 л. ед. ч.) засвидетельствована в следующих случаях: [9, с. 23, 4 = 10, с. 139, 4; 9, с. 29, 23 = 10, с. 29, 15; 9, с. 33, 23 = 10, с. 159, 5; 9, с. 39, 23 = 10, с. 169, 23 и т. д.]. Траутман [9, с. 452] указывает на единственный пример формы *ture* в 3 л. мн. ч. Я серьезно сомневаюсь в том, что свидетельство древнепрусского может помочь установить очевидные грамматические категории, но известные в других балтийских языках.

Я уже высказывал [12, с. 122—123] и повторяю здесь мысль о том, что эта категория глагола отражает этимологический суффикс (или суффиксы) $-o-i$, который переходил в $-ē-$ перед согласным (в инфинитиве $-ē-ti$) и сохранялся как $-oi$ перед гласным. Так, развитие 3 л. ед. ч. в балтийском было таково: $-ai > -ē_2 > -ie > -i$ (аналогично — номинатив мн. ч. у имен на $*-o$). По образцу глагольных основ на $*-elo$ 3 лицо возвратного залога $*-ie-si$ было заменено на засвидетельствованное $-i-si$. (Это произошло до становления различия между 2 л. ед. ч. $-ie-si$ и 3 л.). Это 3 л. $-i$ было обобщено в 1 и 2 л. дуалиса $-i-va, -i-ta$ и в 1 и 2 л. мн. ч. $-ime-, -i-te$ по образцу глагольных основ на $*-elo$.

В заключение можно поздравить автора с написанием книги, побуждающей к размышлению и представляющей большой интерес для балтистов и специалистов по общему языкознанию благодаря новому и интересному анализу балтийской глагольной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kurschat F. Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876.
2. Osthoff H. Zur Geschichte des Perfekts im Indo-germanischen. Strassburg, 1884.
3. Levin J. Dynamic linguistics and Baltic historical phonology // General linguistics. 1975. 15.
4. Schmalstieg W. R. The Baltic first person singular ending $-u$ // General linguistics. 1975. 15.

5. Erhart A. Studien zur indoeuropäischen Morphologie. Brno, 1970.
6. Bezenberger A. Got. *bairau*, konjunktiv von indogerm. *bhéro(u)* // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1901. Bd 26. S. 152—154.
7. Wiedemann O. Das litauische Preterit. Strassburg, 1891.
8. Schmalstieg W. R. Baltic *ei* and depalatalization // *Lingua*. 1960. V. 10.
9. Trautmann R. Die altpreussische Denkmäler. Göttingen, 1910.

10. *Mažiulis V. P.* Prūsų kalbos paminklai. I Vilnius, 1966.
11. *Mažiulis V. P.* Prūsų kalbos paminklai. II. Vilnius, 1981.
12. *Schmalstieg W. R.* Indo-European linguistics: A new synthesis. Univ. Park and London, 1980.

Шмальstieg В. Р.

Перевел с английского Красухин К. Г.

Doerfer G. Grammatik des Chaldasch. Wiesbaden: Harrassowitz, 1988. 258 S. (Turcologica. Bd 4).

В изучении уникального тюркского языка — халаджского сделан еще один заметный шаг: известный западногерманский тюрколог Герхард Дёрфер опубликовал полную «Граматику халаджского языка». Эта книга значительно расширяет знания тюркологов об островном языке, первые материалы по которому были опубликованы полвека тому назад (1940 г. — В. Ф. Минорский и М. Моккаддам) и которые в то время не привлекли к себе, к сожалению, широкого внимания. Лишь в 70-е годы благодаря усилиям Г. Дёрфера и его учеников началось монографическое изучение халаджского языка, в результате которого сложилась концепция об особом месте этого языка среди тюркских как языке смешанном, но с большой долей весьма архаичных черт. Среди важнейших публикаций здесь следует напомнить «Халаджские материалы» (1971) [1], «Словарь халаджского языка: Дialeкт Харраба» (1980) [2], были также описаны отдельные грамматические категории и фонетические особенности (с. 5—9); см. также [3].

В новой Грамматике используется традиционный подход к толкованию грамматических категорий, в фонетике широко учитываются экспериментальные данные. Между тем следует сказать об особенностях халаджского языка. Это смешанный язык, носители которого проживают среди францев или азербайджанцев и являются поэтому би- или тринлингвами; их около 17 тысяч и живут они в 48 поселениях. Как говорит автор, речь может идти, фактически, о 48 диалектах (может, точнее говорить, о говорах — ?!). Халаджский язык — практически бесписьменный, и ни один из многочисленных диалектов не претендует на роль ведущего или базового в становлении какой-либо общеязыковой нормы. Наблюдается сложная

картина взаимодействия диалектов между собой, а также с каждым из окружающих их другим языком. Естественно, в таких условиях перед автором Грамматики стояла очень трудная задача выделить в непростом конгломерате те явления и факты, которые можно было бы определить как общехаладжские. Однако представляется, что в Грамматике найдено удачное решение указанных проблем.

Г. Дёрфер рассматривает современный халаджский язык как результат длительного и сложного исторического развития языка того типа, который Махмуд Кашгарский в своем «Диване» определяет как «аргу», и автор стремится установить и отождествить признаки, объединяющие (с учетом исторических закономерностей) древний аргу и современный халаджский [4]. Такое соотношение значимо для каждого современного халадж. диалекта, и древнетюркское состояние служит для автора отправной точкой отсчета при анализе процессов в отдельных диалектах. В то же время Г. Дёрфер выявляет закономерности, которые охватывают халадж. язык в целом. Однако это осуществить сложнее, чем в первом случае, здесь в плане диахронии речь должна идти скорее о тенденциях развития, которые не всегда охватывают целиком все халадж. диалекты; в некоторых случаях можно даже фиксировать той или иной степени устойчивости «агрегатные состояния» и эта устойчивость определяется часто географическими или социолингвистическими факторами (особенно в области фонетических соответствий). Таким образом, халадж. язык для автора не абстрактная схема и статичная система, а динамический, весьма подвижный и изменчивый продукт длительного исторического развития. Совокупность диалектных данных, наличие засвидетельствованных в